

Бобровникова Т.А.

Религиозно-правовые аспекты Сципионовой "легенды"

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2161>]

[Публикация работы:]

Бобровникова Т.А. 1999: Религиозно-правовые аспекты Сципионовой "легенды" // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1 (4), 44-55.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СЦИПИОНОВОЙ «ЛЕГЕНДЫ»

«Сципионов культ» или «Сципионова легенда» – это целый комплекс представлений, сложившийся вокруг знаменитого полководца III–II вв. до н. э. Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего. Вкратце эти представления можно свести к следующим пунктам.

- 1) Сципион не обычный человек, а сын Бога; в нем течет кровь бессмертных.
- 2) Сципион постоянно общается с богами, знает от них будущее, все его предприятия внушены богами.
- 3) После смерти Сципион поднялся на небо и стал Богом.

Уже из этого суммарного изложения ясно, что перед нами совершенно уникальное явление – легенда, обожеествляющая государственного деятеля, полководца, жившего в историческое время. Мы не можем привести *ни одного* подобного примера из истории Римской республики. Ближайшая параллель – это культ первых императоров, Цезаря и Августа, начавших свою деятельность еще в республиканское время. Но между ними и Сципионом огромная разница. Во-первых, и Цезарь, и Август пользовались фактически царскими полномочиями, а Сципион не только ими не пользовался, но в течение долгого времени был в оппозиции к правящей аристократии – сенату. Так что о каком-либо введении культа «сверху» не может быть и речи.

Во-вторых, божеские почести Цезарю воздавались только после смерти. При жизни его не почитали ни сыном Бога, ни собеседником небожителей.

Наконец, к началу нашей эры в Риме все большую силу приобретают восточные элементы. Светоний сообщает, что именно выходцы с Востока особенно бурно оплакивали Цезаря¹. Между тем на Востоке цари обожеествлялись. В Восточных провинциях подобные почести воздавались даже римским наместникам, так что постепенно римляне привыкли к этой практике.

Между тем Сципион жил во времена расцвета Римской республики. Рим не имел еще восточных провинций и не знал восточных культов. Первый такой культ – культ Великой Матери богов – был перенесен в Рим в 205 г. до н. э., т. е. в год консульства Сципиона, когда герой был в зените славы. Совершенно невозможно объяснить это явление подвигами Сципиона: напомним, что ни об одном полководце времен Ганнибаловой войны, даже о Фабии Кунктаторе, которого современники называют спасителем Рима² и который отличался необычайной набожностью, подобных слухов не ходило. Более того, Сцевола Авгур, теолог и юрист середины II в. до н. э., определенно говорит, что подобное обожествление смертных совершенно необычное явление в римской религии³.

Вот почему так называемая «Сципионова легенда» заслуживает самого внимательного изучения. Ее отличительные черты следующие: во-первых, она сложилась в основном при жизни героя и, как мы покажем, последующие поколения мало что к ней добавили;

* Бобровникова Татьяна Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин СУНЦ МГУ.

¹ *Suet. Caes.* 84. 5.

² См. у Эниия: Нам один человек Республику спас промедлением (*Ann.* 306).

³ *Aug. Civ. Dei.* VI. 27.

во-вторых, она бытовала у трех различных народов – у римлян, греков и испанцев, которые стояли на разных уровнях развития. Причины возникновения «легенды» поэтому представляют большой интерес. Этот вопрос я подробно исследую в своей книге⁴. Но в данной статье нас будет интересовать религиозно-правовой аспект культа Сципиона. Римская религия вообще была так тесно связана с правом, что верховным понтификом – главой римского культа – мог быть только опытный юрист⁵ и наоборот – юристами были понтифики и авгуры. «Культе» же Сципиона особенно тесно связан с государственно-правовой областью – ведь каков бы ни был источник этого культа, перед нами обожествление полководца, первый известный случай в римской истории. Вот почему мы ограничимся здесь лишь исследованием самой «легенды», совершенно оставив в стороне чувства самого Сципиона. Во-вторых, мы будем говорить только о римлянах, а не о греках и испанцах, которые также включили феномен Сципиона в свою религиозно-философскую систему. Мы рассмотрим «легенду», постараемся очистить ее от всех поздних наслоений и восстановить в том виде, в каком она существовала при жизни самого Сципиона и в течение нескольких лет после его смерти, когда он, как полагали, стал Богом.

Соответственно с предложенным планом мы рассмотрим последовательно три составные части «легенды» – происхождение от богов, постоянное общение с богами при жизни и *апофеоз*⁶ после смерти. Начнем с чудесного рождения. Ливий и Валерий Максим утверждают, что народ был убежден, что в Сципионе течет кровь бессмертных богов. Но мы находим в источниках и более определенные указания на божественного отца Сципиона. Но самый подробный рассказ о чудесном рождении Сципиона содержится у Авла Геллия.

«Мать его долго считали бесплодной, и Публий Сципион, ее муж, уже отчаялся иметь детей. И вот однажды, когда мужа не было, и она спала одна, в ее спальне на ложе рядом с ней появился исполинский змей. А когда увидевшие его, охваченные ужасом, закричали, он соскользнул с ложа, и его не смогли найти. Публий Сципион спросил гарусников, и они, совершив священнодействие, возвестили, что у него родится ребенок. Некоторое время спустя после появления змея на ложе, женщина почувствовала признаки беременности, а через 10 месяцев родила. Ребенок этот и был Публий Сципион, которые победил Ганнибала и карфагенян в Африке»⁷. Об этом же змее, божественном отце Сципиона, упоминают Ливий, Дион Кассий, Аврелий Виктор и Квинтилиан⁸.

Этот змей, по мнению многих писателей, был богом Юпитером, принявшим облик дракона⁹. Всю дальнейшую жизнь Сципион был каким-то мистическим образом связан со змеями: когда он был совсем маленьким, его обвинил змей, не причинив никакого вреда¹⁰, едва он высадился в Африку, к лагерю подполз огромный дракон. Сципион счел это за доброе предзнаменование¹¹. Могилу его, согласно местной народной легенде, стережет исполинский змей¹².

⁴ Я высказываю мнение, что первоисточником «легенды» были видения, реально посещавшие Публия Сципиона. Точно так же, как слухи о мистических способностях Жанны д'Арк, которую французы считали святой, а англичане вплоть до Шекспира ведьмой, злились на ее видениях. Сам по себе этот факт весьма интересен, так как очень сильно меняет наш взгляд на римскую религию, которую в XIX в. считали сухой, формальной и чуждой вдохновению. Это также помогает реконструкции римского менталитета. См.: *Бобровникова Т. А. Сципион Африканский: Картины жизни Рима эпохи Пунических войн*. Воронеж, 1996. Кн. I. С. 74–96.

⁵ *Cic. Leg.* II, 47.

⁶ Апофеоз мы понимаем здесь в прямом значении этого слова – т. е. превращение в божество.

⁷ *Gell.* VII. 1.

⁸ *Liv.* XXVI. 19; *Dio Cass.* XXXVI. 56; *Vir. ill.* 49; *Quintil.* II. 4. 19.

⁹ *Dio.* LVI. 38–39; *Vir. ill.* 49; ср.: *Val. Max.* I. 2; II.

¹⁰ *Vir. ill.* 49.

¹¹ *Dio.* LVII. 63.

¹² *Plin.* N. H. XVI. 234–235.

Как и когда подобное предание могло возникнуть о Сципионе? Многие античные авторы считают его поздним вымыслом, заимствованным из биографии Александра Македонского. Ибо известно, что змей подобным же образом появлялся рядом со спящей Олимпиадой. Это сходство замечено было уже в античности¹³. Однако оно вряд ли справедливо. В греческих легендах змей является отцом многих героев. Павсаний пишет: «Мессенцы считают обстоятельства рождения Аристомена необычными. Они ведь рассказывают, что с его матерью Никоклеей сочетался даймон или бог в облике змея. Я знаю, что такое же предание рассказывают македонцы об Олимпиаде и сикнионцы об Арате»¹⁴. Вспомним, что Дионис Загрей рожден от Персефоны и Зевса, принявшего облик змея. Дриоп таким же образом рожден от Аполлона. От Аполлона в образе дракона, видимо, по древнему преданию, был рожден Иам. У Пиндара от этой легенды осталось то, что мальчика вскармливает две змеи¹⁵. Сюда же относятся многочисленные сказания о героях-полузмеях. Таков был основатель Фив Кадм, ставший змеем и правивший народом, выросшим из зубов дракона, или основатель одного племени, который, по рассказу Страбона, из дракона стал человеком¹⁶. Вообще «из всех животных древние чаще всего посвящали героям змею»¹⁷. Такого рода предания распространены по всему миру. Достаточно вспомнить нашего Вольгу Святославича, которого мать родила «от змия люта» и который стал и великим богатырем, и хитрым волшебником. Подобные мифы находим и в Риме. Известно, что Фавн сошелся с Бона Деей в облике змея, и священные змеи обитают в ее храме¹⁸.

Существовало также представление, что змеи спасают от бесплодия. Так, рассказывают об одной греческой женщине, которая пришла лечиться от бесплодия в храм Асклепия. Она провела там ночь и во сне имела общение со змеем, посвященным богу. После этого у нее родилось два близнеца¹⁹.

Из всего этого ясно, что история Сципиона, как и история Александра, имеет глубокие корни в народных представлениях. Но во времена Ливия никакой сравнительной мифологии не было. Метод изучения был таков: если какой-нибудь римской легенде находили аналогию у греков, значит, она заимствована.

Легенды этой не упоминает ни Полибий, ни Аппиан. Можно почти с уверенностью сказать, что подобного рассказа нет у анналистов. Вот доказательства. В трактате «О предвидении» Цицерон обсуждает различные чудесные случаи. Он сообщает, что актера Росция в детстве обвила змея, не причинив ему вреда. «Отец Росция обратился к гаруспикам, и они возвестили, что не будет никого славнее, никого знаменитее этого мальчика». Затем Цицерон дает этому происшествию рационалистическое объяснение (змея была ручной) и замечает: «Я удивляюсь, что боги бессмертные возвестили славную будущность актеру и не возвестили ее Публию Африканскому»²⁰. Из этих слов ясно, что Цицерон не знал приведенной раньше легенды. Между тем все его примеры взяты именно из анналистики. Откуда же происходит этот рассказ?

Геллий называет своими источниками авторов жизнеописания Сципиона, Гая Оппия и Юлия Гигина. Оппий был друг Цицерона и Цезаря, Гигин – библиотекарь Августа. Вероятно, оба они писали уже при Августе, поэтому-то Цицерон, очень интересовавшийся литературой, не читал этого произведения Оппия. Но не является ли эта легенда просто выдумкой Оппия или Гигина? Вряд ли это возможно. Особенно трудно поверить,

¹³ *Gell.* VII. 1; *Liv.* XXVI. 19.

¹⁴ *IV.* 14. 7–8.

¹⁵ *Olymp.* VI. 45.

¹⁶ *Strabo.* XIII. 1. 14.

¹⁷ *Plut.* Cleom., 39.

¹⁸ *Macr. Sat.* I. 12. 21–29.

¹⁹ Томсен Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. С. 213.

²⁰ *Cic. Div.* I. 79; II. 66.

что Гигин, этот «полу-Варрон», как его называли, ученейший антиквар, мог пойти на такой обман или бездумно переписать у Оппия. Скорее всего этот любитель древностей набрел на какое-то полузабытое предание. Оно было насколько возможно приближено к рассказам об Александре²¹. Такой судьбе подвергались многие рассказы о подвигах Сципиона. Геллий даже пишет, что сравнение Сципиона с Александром стало уже общим местом, обычной темой школьных сочинений и риторических упражнений. Однако откуда взяли «змеиные легенды» авторы I в. н. э.?

Сразу напрашивается предположение, что перед нами народная легенда. Ведь именно среди народа было распространено сказание, что могилу Сципиона стережет дракон. Культ змей существовал в Ланувии, а возможно, и в Этрурии. Змей возвестил славную будущность Росцию, которого никто не собирався сравнивать с Александром.

Однако можно выдвинуть и другую гипотезу, которая не противоречит первой, а скорее дополняет ее. Возможно, это семейное предание дома Корнелиев. Оно не было широко распространено в Риме, почему его и не знал Цицерон. Но слухи о нем ходили в местах, примыкавших к фамильным владениям Сципионов (там как раз находилась могила Публия). У Корнелиев были особые религиозные обычаи, особые погребальные обряды и верования²². Есть некоторые свидетельства того, что у рода Корнелиев были какие-то следы культа змей. В саду у Корнелии, дочери Сципиона, появились две змеи. Это предвещало смерть хозяйке дома или ее мужу. Рассказ этот опять-таки известен не из истории, а из письма внука Сципиона, сына Корнелии, к одному из друзей²³. Старший сын той же Корнелии, Тиберий, ночью видит змея и понимает, что утром умрет²⁴. Итак, появление змея потомкам Сципиона предвещает смерть, но Помпонии оно сулило рождение сына. Можно высказать гипотезу, что в облике змея являлся их предок или дух рода, чтобы возвестить смерть или рождение. Напомню, что из одного места «Энеиды» явствует, что дух мертвого, по римским представлениям, мог являться живым в облике змея²⁵. Это проливает свет на один эпизод, который в юности наблюдал сам Цицерон. Корнелий Сулла осаждал город Нолу. Внезапно из-под земли выползла змея. Сулла немедленно воспрянул духом и устремился на штурм, уверенный, что боги обещают ему победу²⁶. Таким образом, явление змея обрадовало Корнелия Суллу, как и Сципиона. Но тот же Цицерон передает, что враг и соперник Суллы Марий увидал, как орел сражается со змеей. Марий с напряженным вниманием следил за этим поединком, и когда победил орел, уверовал в свою победу²⁷. Таким образом, змей для Суллы был вестником победы, для Мария же именно его поражение служило добрым знаком. Не потому ли, что змей был гением Корнелиев?

К сожалению, мы не можем утверждать с уверенностью, что эта легенда сложилась уже при жизни Публия, так как нет ни одного свидетельства, синхронного самому Сципиону. Правда, есть мнение, что такого рода свидетельство следует видеть в пьесе Плавта «Амфитрион»²⁸, где будто бы под Алкменой разумеется мать Сципиона, под Амфитрионом – его обманутый отец, а под Гераклом – сам герой. Однако доказать это положение весьма трудно. Если бы было доказано, что вера в божественное происхождение Сципиона была действительно распространена при его жизни, сам выбор сюжета для пьесы приобрел бы значение намека. Но если доказательства искать в самой пьесе, то

²¹ Замечательно, что хотя, согласно легенде, отцом Александра был бог в облике змея, более змеи не играли никакой роли в жизни Македонянина. Сципиону же змей являлся по крайней мере дважды, и он неотлучно стережет могилу нашего героя. Это показывает, что связи Публия со змеями гораздо глубже.

²² *Macr. Sat.* I. 16. 7.

²³ *Cic. Div.* I. 36; *Plut. Tib. Gracch.* 8.

²⁴ *Plut. Tib. Gracch.* 17.

²⁵ *Verg. Aen.* V. 84–95.

²⁶ *Cic. Div.* I, 72.

²⁷ *Ibid.* I. 106.

²⁸ *Galinsky G. Scipionic Themes in Plautus' Amphitruo // TARA, 1966. P. 203.*

нас ждет разочарование. При всем желании у Плавта нельзя найти никаких указаний на Сципиона. Он ни на шаг не отходит от традиционного мифа. Даже говоря о блистательном будущем героя, Плавт не упоминает, скажем, об Испании, где отличился и Геракл, и Сципион.

Второе, тоже весьма зыбкое доказательство можно видеть в словах Диона Кассия, который утверждает, что, как только приехал Сципион, по всей Иберии распространились рассказы о его божественном отце²⁹. Третье доказательство – это свидетельство Варрона, который говорит, что для государства полезно, «если храбрые мужи верят – пусть даже на самом деле это ложь, – что они произошли от богов, так как таким путем дух человеческий, получив уверенность в себе, как бы от божественного древа, совершает подвиги дерзновеннее, действует пламеннее, а потому счастлив и беззаботен»³⁰. Трудно сомневаться, что Варрон имел в виду именно Сципиона. Во-первых, до его времени не было ни одного римлянина, кроме легендарного Ромула, который возводил бы свою родословную к богам. Во-вторых, в приведенной цитате содержится очень точная характеристика Публия Африканского – его необычайная уверенность в себе, которую так часто отмечали античные авторы, и видимость беззаботности, которая часто обманывала современников, считавших его легкомысленным.

Однако очень возможно, что божественный отец Сципиона рисовался воображению римлян не в облике Юпитера, а в виде некоего духа, из тех, что часто появлялись в сказаниях древних италийцев. Известно, что отцом Ромула легенды называли призрак, выходящий из огня³¹. Таким же огненным призраком, Ларом, был отец Сервия Туллия. Подобное предание существует об основателе Пренесте Цекуле³². Интересно, что более поздние легенды называют отцами этих героев какого-нибудь из олимпийских богов. Скажем, отцом Цекулы стали считать Вулкана, а отцом Ромула – Марса. Итак, многие древние италийские герои рождались от духа предков, выходящего из огня. А духом предков для Корнелиев, если следовать нашей гипотезе, был змей. Отсюда некая таинственная неопределенность в рассказах латинских авторов о Публии. «Верили, что его породили бессмертные боги» (боги, а не бог. – Т. Б.), – передает Валерий Максим³³. Люди думали, пишет Ливий, что он произошел не от человеческой крови, а от божественного корня³⁴.

Сделаем вывод. При жизни Сципиона или вскоре после его смерти в народе распространилась молва, что его отцом является Гений, являвшийся его матери в облике змея. На рубеже нашей эры эти легенды обработали и приблизили к греческой мифологии, назвав отцом героя Юпитера.

Теперь перейдем ко второй части «Сципионовой легенды» – именно к постоянному общению Публия Сципиона с богами. Начнем с самого раннего дошедшего до нас источника – с «Истории» Полибия. «История» в этой связи представляет для нас особый интерес ввиду огромного авторитета ее автора, особой близости его к дому Сципионов, где он прожил, как известно, 17 лет, и, наконец, потому, что Полибий прибыл в Рим в 167 г. до н. э., т. е. всего через 15 лет после смерти Сципиона. Он был лично знаком с его женой, дочерьми и, главное, с его лучшим другом Гаем Лелием, участником всех его походов. Вот почему Полибия можно с полным правом назвать современником Сципиона. Кроме того интересно, что Полибий относился к религии скептически, а потому не верил «легенде». Религиозность в человеке казалась ему несомненным признаком того, что он принадлежит к глупцам и невежам³⁵. В своей «Истории» он последовательно бо-

²⁹ *Dio. Cass.* XXXVII. 57

³⁰ *Aug. Civ. Dei.* III. 4.

³¹ *Plut. Rom.* 2.

³² *Serv. Ad Aen.* VII. 678; *Schol. Veron. Aen.* VII. 681.

³³ *Val. Max.* VI. 9. 2.

³⁴ *Liv.* XXXVIII. 58.

³⁵ *Polyb.* VI. 56. 7.

рется с суевериями, изгоняет из нее фантастические рассказы. Вот почему он, казалось бы, должен вовсе обойти молчанием «Сципионову легенду» как грубое суеверие, которое лишь омрачает образ его любимого героя. Но он *не может* этого сделать, так как она уже получила к тому времени слишком широкое распространение. Поэтому Полибий приступает к рассказу о Сципионе весьма необычным образом. Он начинает с критики. Он говорит, что в исторической литературе уже укоренился совершенно определенный, причем, по мнению Полибия, совершенно ложный образ победителя Ганнибала. «Все прочие историки», по его словам, представляют Сципиона любимцем Тюхе, наделяют его сверхъестественными способностями и уверены, что он «поднял родное государство на такую высоту силой сновидений и вещей голосов» (курсив мой. – Т. Б.)³⁶. Далее Полибий тратит много усилий, чтобы этот образ разрушить. Он утверждает, что все так называемые чудеса Сципиона были разыгранными им для народа и солдат представлениями, и он действовал, как Ликург, который притворялся, что получал указания от самого Аполлона³⁷.

Слова Полибия для нас драгоценны. Из них мы узнаем, во-первых, что уже через 15 лет после смерти Публия о нем существовала огромная литература греческая и римская³⁸, причем *все* авторы, кроме самого Полибия, представляли его полубогом. При этом греческие авторы дают этим легендам осмысление в духе модного тогда стоицизма, представляя его любимцем Тюхе, которая рисуется ими как некий мировой порядок. Во-вторых, Полибий не сомневается, что простой народ и солдаты – современники Сципиона – верили в его связи с богами, а потому он вынужден придумать рационалистическое объяснение в духе Евгемера, а именно, что Сципион симулировал божественное вдохновение³⁹.

Однако у Полибия нет полного и подробного изложения «легенды». Возникает вопрос – почему? Хейвуд полагает, что Полибий еще не знал ее целиком, так как она в основном сложилась в более позднее время⁴⁰. Но дело в том, что Полибий вовсе не задается целью изложить перед нами «легенду». Он, напротив, рассчитывает на читателя, который ее уже очень хорошо знает, и старается ее опровергнуть. Подобно этому Плутарх в своей биографии Тесея не рассказывает заново миф о Минотавре, но дает ему сразу евгемеристическое толкование. Из всей массы чудесных рассказов о Сципионе он выбрал вполне сознательно только два: сон перед избранием эдилом и взятие Нового Карфагена. Первый должен показать, как впервые возникла у Сципиона, тогда еще мальчика, мысль морочить людей баснями о своих видениях. Осада же Нового Карфагена должна продемонстрировать, как Публий сумел применить этот способ притворяться в важных делах. Кроме того, это было самое знаменитое «чудо» Сципиона, самое неоспоримое. Мы знаем, что царь Филипп Македонский специально писал Сципиону с просьбой разъяснить это чудо. Так что, если бы Полибию удалось разъяснить это событие рационалистически, вера в божественность Сципиона могла бы поколебаться. И напротив: если бы Полибию не удалось объяснить это событие, его критика не могла бы никого убедить.

Но мы можем с достоверностью утверждать, что Полибий знал «легенду» в подробностях. Он постоянно упоминает сны Сципиона и вещи голоса, которые тот слышал

³⁶ *Polyb.* X. 2. 5–9. Полибий цит. в пер. Ф. Мищенко.

³⁷ *Polyb.* X. 2.

³⁸ Попытку установить, кто эти авторы, предпринимает Р. М. Хейвуд. Однако приводимый им список мало что даст, ибо зачастую мы не знаем об авторе ничего, кроме имени. См.: *Haywood R. M. Studies on Scipio Africanus.* Baltimore, 1933. P. 9–13.

³⁹ Точка зрения Полибия подробно разобрана в нашей кн. В настоящее время версия о притворстве Сципиона отвергнута в науке. См.: *G. De Sanctis. Storia dei Romani.* Torino, 1955. III. Vol. 4. (pars 2). P. 452; *Hallward B. L. Scipio and victory // Cambridge Ancient History.* Vol. VIII. P. 84; *Scullard H. H. Scipio Africanus: Soldier and Politician.* Bristol, 1970. P. 178; *Haywood R. M. Op. cit.* P. 29.

⁴⁰ *Haywood R. M. Op. cit.* P. 28–29.

наяву⁴¹. Об этих-то голосах, по его словам, постоянно пишут его предшественники. Между тем в повествовании Полибия рассказывается, как мы уже говорили, только о двух снах, но не голосах. Поэтому мы должны искать дополнительную информацию в других источниках. Ливий и особенно Геллий и Аппиан как раз и сообщают нам те сведения, которые содержались у предшественников Полибия и которые он критикует. Иначе говоря, сведения, *современные* самому Сципиону.

По словам Аппиана, только лишь Сципион прибыл в Испанию, «молниеносно по всей стране... пролетел слух, что полководцем к ним прибыл Сципион по воле божества»⁴². Римляне «были уверены, что он все делает по внушению Бога»⁴³. Перед всеми важными событиями ему являлось божество, которое он называет Даймон, открывавшее ему будущее⁴⁴. По-латыни это божество, очевидно, следует назвать *гением*. Об этом же Боге читаем в другом месте. Аппиан передает, что войско верило, будто Сципион «прибыл по воле Бога и получает обо всем советы от даймона»⁴⁵. Историк сообщает интересную подробность: когда в 149 г. до н. э., четверть века спустя после смерти Публия, его приемный внук Эмилиан начал совершать в Африке блистательные подвиги, старые воины стали поговаривать, «что ему помогает тот же даймон, который, как считали, предвещал его деду Сципиону, что должно случиться»⁴⁶.

Также существовали рассказы о многочисленных вещих снах Сципиона. Поэт I в. н. э. Стаций пишет:

*Так Сципионовым снам, что латинский навял Юпитер,
Вера в народе была*⁴⁷.

Здесь мы подходим к новой особенности «легенды» – связь Сципиона с богом Юпитером. Его сны навяны Юпитером. Поздние источники называют Юпитера его отцом. Замечу, что сам Сципион был салием, т. е. жрецом Марса, а не Юпитера. Как возникла впервые идея этой связи? Античная традиция⁴⁸ сообщает, что Сципион с самой юности до смерти часто ночью совершенно один шел на Капитолий и заперался там в святой святынь храма – *cella*. Естественно, римляне считали, что там он беседует с Юпитером. Хейвуд вслед за Эд. Мейером делает попытку опровергнуть всю античную традицию и отрицает эти ночные походы. Он выдвигает два соображения: во-первых, об этих посещениях ничего не говорит Полибий, во-вторых, такого рода искренние и страстные молитвы противоречили всему духу римской религии⁴⁹.

Однако у нас нет никакого основания отвергать сообщение источников. Довод, относящийся к Полибию, мы разбирали выше. Что же касается духа римской религии, то Скаллард справедливо обращает внимание на то, что сообщение о ночных посещениях Сципионом храма ничуть не шокировало многочисленных римлян, которые об этом сообщают⁵⁰. Таким образом, войско и народ полагали, что Сципион беседует с богами, у него есть свой особый гений, который предсказывает ему будущее, и особая связь с Юпитером.

Теперь мы переходим к известиям о том, что Сципиону при жизни оказывали божеские почести. Первый любопытный факт сообщает Ливий. Он говорит, что предчувствия Сципиона, основанные, как мы знаем, на снах и голосах, официально приравнивались

⁴¹ Polyb. X. 2. 9; 5. 5.

⁴² App. Hiber. 77.

⁴³ Ibid. 88.

⁴⁴ Ibid. 101–102.

⁴⁵ App. Lyb. 25.

⁴⁶ Ibid. 491.

⁴⁷ Silvae. III. 291.

⁴⁸ Gell. VII. 1; Val. Max. I. 2. 2; Vir. ill. 49; Liv. XXVI. 19; Dio. Cass. LVI. 39; App. Hiber. 89.

⁴⁹ Haywood R. M. Op. cit. P. 24.

⁵⁰ Scullard H. H. Op. cit. P. 19–23.

римским сенатом к оракулам и ответам гаруспиков⁵¹. Но оракулы и ответы гаруспиков основываются на установленном культе, который Рим особенно чтит. Ставить на одну доску с этим культом видения одного из граждан совершенно противоречило всей традиции. Очевидно, сенат должен был сделать уступку народной вере. Напомню, что происходило все это тогда, когда Сципион добился от сената разрешения ехать в Африку почти силой, так что отношения между ним и правящей аристократией были более чем натянутые.

Второй факт относится к последнему году жизни Сципиона, когда он был в добровольном изгнании в Литерне. К дверям его усадьбы явились разбойники, попросившие разрешения войти и клявшися, что не причинят ему зла. Будучи впущены Сципионом, они выразили ему глубокую благодарность и восхищение за все, что он сделал для Италии. Этот эпизод очень известен, но я хочу напомнить несколько деталей. Впущенные в дом разбойники «преклонились перед дверным косяком, как перед чтимым алтарем и святым храмом» и положили у входа «дары, которые обыкновенно посвящают бессмертным богам»⁵². В этой связи весь эпизод приобретает значение не просто выражения горячей благодарности победителю Ганнибала, но настоящего преклонения перед полубогом.

Наконец, в 201 г. до н. э., т. е. в год возвращения Сципиона из Африки, мы находим известие о почти официальной попытке его обожествить. Сообщают, что ему «хотели поставить статую в Комиции, на Рострах, в Курии, наконец, в самой cella храма Юпитера Всеблагого и Величайшего, хотели поместить его изображение в одежде триумфатора среди лож богов на Капитолии». Причем его изваяние в триумфальной одежде должно было выноситься из храма во время торжественных церемоний⁵³. Это место вызвало много споров в науке, так как там же сказано, что Сципиону предложили бессрочный консулат и диктатуру. Он же отказался от всех этих почестей. Это плохо согласуется с римской конституцией, поэтому вызвало подозрение исследователей. Все эти факты, как говорит Ливий, взяты из речи народного трибуна Тиберия Гракха. Сказана она была будто бы при следующих обстоятельствах. Во время процесса Луция Сципиона, брата Публия Африканского, трибуны хотели отвести обвиняемого в оковах в темницу. Тогда Публий попытался силой им помешать. Тиберий же освободил Луция, но горько упрекнул его знаменитого брата за неуважение к законам. При этом он заявил, что Публий Сципион изменил самому себе, и напомнил, как он отверг те неслыханные почести, которые народ предложил ему после победы при Заме.

Т. Моммзен и Эд. Мейер, после изучения речи пришли к выводу, что так называемая речь Гракха – это антицезарянский памфлет. Моммзен датирует его 49 г. до н. э., Мейер – 44 г. Их аргументы таковы: во-первых, Сципион никогда не совершал насилия над трибунами, а Цезарь совершал; во-вторых, плебс эпохи Сципиона не мог предложить гражданину Рима такие почести, а эпохи Цезаря мог. В-третьих, Цицерон говорит, что сохранилась только одна речь Гракха, произнесенная по-гречески перед родосцами⁵⁴. Эта точка зрения была принята всеми исследователями. Против нее выступил один Хейвуд, который попытался реабилитировать этот источник⁵⁵. Доводы его таковы: во-первых, Сципион мог прибегнуть к насилию в порыве гнева; во-вторых, народ, полный благодарности, мог предложить победителю Ганнибала экстраординарные почести; в-третьих, Цицерон действительно не знал этой речи Тиберия, но ее мог впоследствии найти Варрон.

Тем не менее, доводы Хейвуда нельзя признать убедительными. Во-первых, ни один источник кроме этой сомнительной речи не сообщает, что Сципион применил насилие к

⁵¹ Liv. XXIX. 20.

⁵² Val. Max. II. 10. 2.

⁵³ Val. Max. IV. 1. 6; Liv. XXXVIII. 56.

⁵⁴ Cic. Brut. 79.

⁵⁵ Haywood R. M. Op. cit. P. 16–17.

трибунам. Между тем то было время сципионовских процессов, причем описанные события происходили до народного суда над самим Публием Африканским. Враги в этот период усиленно искали хотя бы одно пятно на репутации героя. Факт насилия над трибунами дал бы им в руки неопценимое оружие; он был бы, конечно, сколь возможно обыгран и раздут. Тем более что Сципиона как раз и пытались обвинить в «царском» образе поведения.

Во-вторых, Авл Геллий собирает все факты, касающиеся процесса Луция, пользуется подлинными документами и свидетельствами древних анналистов⁵⁶. Он даже приводит подлинный текст интерцессии Гракха. Но его рассказ не соответствует так называемой речи Тиберия. Вот почему мы можем с полной уверенностью утверждать, что Сципион не применил насилия к трибунам. А раз так, то теряет всякий смысл и речь Тиберия. Она не могла быть произнесена историческим Гракхом.

Однако если даже перед нами памфлет или риторическое упражнение I в. до н. э., из этого вовсе не следует, что мы сразу должны отвергнуть все сообщаемые здесь факты. Быть может, перед нами весьма своеобразный источник. Например, установлено, что письмо Цицерона к Октавиану – риторическое сочинение. Но в нем верно обрисовано знакомство и сближение обоих политических деятелей. Чуть ли не вся борьба патрициев с плебеями изложена Ливием в форме риторических речей глав враждебных партий, причем по духу и тону они соответствуют скорее концу Республики, чем ее началу. Но это вовсе не умаляет значение Ливия как источника. Есть ли источники, подтверждающие факты, изложенные в речи Гракха? Нам представляется, что есть. В поэме Энния «Сципион», написанной вскоре после битвы при Заме, находим следующий место. Сципион после победы говорит с олицетворенной Родиной, и здесь имеется следующий фрагмент: «Будь диктатором или начальником конницы, или консулом», «...какую статуя сделает тебе римский народ, какую колонну, которая рассказывала бы о твоих подвигах»⁵⁷. Статуя эта, по-видимому, должна быть из золота⁵⁸. Связь фрагментов Энния и фактов из речи Тиберия очевидна. Исследователь Энния Э. Уормингтон прямо связывает оба источника и считает, что Сципиону у Энния предлагались все известные из речи Гракха почести. Кончалась же поэма, по его мнению, тем, что Сципион отвергал все дары, предложенные персонифицированной Родиной⁵⁹.

Это первый важный источник, подтверждающий изложенные в памфлете факты. Второе подтверждение: народ, по словам Гракха, предлагал Сципиону, чтобы его статуя была поставлена в cella Юпитера и выносилась оттуда во время процессий. Но мы знаем, что после смерти Сципиона его маску (imago), действительно поместили в cella этого храма и она выносилась во время торжественных обрядов рода Корнелиев (об этом мы скажем подробнее ниже). Этого никто из современных исследователей не отвергает. Но значит, сразу после смерти Сципиона народ или родные оказали ему, мертвому, именно такую почесть, какую, по словам памфлета, некогда предлагали живому.

Все это заставляет предположить, что автор памфлета использовал реальные факты, желая противопоставить героя прошлого своим современникам. Надо думать, что предложение исходило от какого-нибудь восторженного трибуна, причем пожизненная диктатура воспринималась скорее как почесть, чем как источник реальной власти, хотя, если бы Сципион не отверг этого дара, римская конституция была бы в опасности. Для нас важно подчеркнуть, что этим предложением Сципион приравнивался к богам.

⁵⁶ О реконструкциях процессов Сципионов см.: *Бобровникова Т. А. Сципион Африканский: Картины жизни Рима эпохи Пунических войн*. Воронеж, 1996. Кн. 2. С. 228–234.

⁵⁷ (fr. 8–9) *Vel tu dictator vel eorum equitumque magister esto vel consul*; (fr. 10–11) *Quantam statuam faciet populus Romanus, quantam columnam quae res tuas gestas loquatur?* Цит. по изд.: *Remains of Old Latin: In four volumes. Ennius and Caecilius* / Ed. E. H. Warmington. L., 1979.

⁵⁸ SHA: Claud. 7. 6.

⁵⁹ *Remains of Old Latin...* P. 397–398.

Теперь мы рассмотрим факты, говорящие об обожевлении Сципиона после смерти. Это в первую очередь судьба *imago* Публия Африканского, которая хранилась, оказывается, не в семейной ларарии, а в *cella* храма Юпитера. «Его изображение стоит в *cella* храма Юпитера Всеблагого и Величайшего, и когда род Корнелиев совершает какой-нибудь погребальный обряд, его выносят оттуда, и для одного Сципиона Капитолий является атрием»⁶⁰. *Imago* – это восковая маска, снимавшаяся с лица покойного. Такие маски предков ставились в главной комнате дома – атриум. Маска же Сципиона находилась не в фамильном атриум, а в *cella*, т. е. в святой святых храма. Это же сообщение находим у Аппиана⁶¹, причем он говорит, что изображение выносят из храма *vvv eti*, так что не верить Валерию Максиму нельзя.

Итак, из слов Валерия Максима следует, во-первых, что маска была помещена в храм, и не просто в храм, а в *cella* Юпитера; во-вторых, что этой чести удостоился один Сципион; в-третьих, что для него храм был атрием. Исходя из обычного представления античности, что храм – это дом божества, надо сделать вывод, что раз *cella* Юпитера стала домом для Сципиона, он сам в представлении современников стал божеством, чтившимся вместе с Юпитером. Об этом же свидетельствует монета, выпущенная в 105 г. до н. э. Гнеем Корнелием Бласионом. На одной ее стороне портрет человека в шлеме, на другой – Капитолийская троица. В человеке в шлеме видят Сципиона, и появление монеты намекает на его особые связи с Капитолийской троицей и храмом Юпитера⁶². Сюда же относится неоднократно приводимая нами легенда о том, что Сципион – сын Юпитера. Я уже говорила, что первоначально отцом Сципиона мог считаться дух предков. Когда же божественного родителя героя стали искать среди олимпийцев, естественно, зародилась мысль, что это Юпитер. Ведь именно в святой святых его храма стояла маска Сципиона.

Исследователи пытаются ответить на вопрос, когда *imago* Сципиона была помещена в храм Юпитера. Дело в том, что Сципион умер в Литерне, а не в Риме, в добровольном изгнании, и с 184 г. до н. э. в сенате господствовали его противники. Хейвуд полагает, что семья Сципиона посвятила маску в храм без всякого разрешения правящей аристократии⁶³. Скаллард же предполагает, что это случилось позднее, в конце III Пунической войны, когда прославился внук Сципиона, Эмилиан, и когда реставрировали храм Юпитера⁶⁴. Но ни одна из этих точек зрения не может быть доказана. Мне представляется маловероятным, чтобы семья Сципиона сама могла посвятить маску в храм Юпитера. С другой стороны, нигде в источниках не упоминается о перенесении *imago* в храм при Сципионе Младшем. Между тем такого рода перенесение должно было сопровождаться определенными обрядами и церемониями и вообще быть обставлено как торжественный религиозный обряд. Поэтому я склоняюсь к мысли, что это действительно произошло сразу после смерти Публия Африканского, произошло тихо, неофициально, без всякой помпы. Но думаю, что сделала это не одна семья Сципиона. Мне кажется, что нужно было согласие жреческих коллегий Рима, возможно, даже верховного понтифика. Есть основание думать, что верховный понтифик Публий Лициний Красс разделял веру народа в особую боговдохновенность Сципиона. Однако Красс скончался в 183 г. до н. э., т. е. в тот же год, что и Сципион. Но мы не знаем, кто из них умер раньше. Если первым был Публий Африканский, вполне вероятно, что это Красс поместил в храм Юпитера маску героя. Но даже если Красса тогда и не было на свете, это могла решить коллегия понтификов.

Наконец, сразу после смерти Сципиона попытку обожевить его сделал поэт Квинт Энний. Я писала об этом подробно в другой статье, поэтому здесь только сжато сформу-

⁶⁰ *Val. Max.* VIII. 15. 1.

⁶¹ *App. Hiber.* 89.

⁶² *Scullard H. H.* Op. cit. P. 22.

⁶³ *Haywood R. M.* Op. cit. P. 29.

⁶⁴ *Scullard H. H.* Op. cit. P. 21–22.

лирую выводы. Энний был пифагореец. Он считал, что Сципион – даймон, изгнанный с неба, который прошел уже срок очищения. После смерти он поднялся на небо и стал одним из небожителей. Такой же участи достигло еще два человека: Геркулес и Ромул. Под влиянием поэм Энния Цицерон в своей «Республике» сделал именно Сципиона вожатым, который показывает небесные сферы Эмилиану. Лактанций прямо утверждает, что, согласно Эннию и Цицерону, Сципион Африканский стал богом⁶⁵. Замечу, что помещение маски Сципиона в cella Юпитера и попытка Энния его обожествить произошли почти одновременно, через несколько лет после его смерти, еще до приезда Полибия в Рим.

Подведем итоги. Сципионова «легенда» представляет собой явление совершенно уникальное в римской истории. Она сложилась единовременно – при жизни героя и в течение буквально нескольких лет после его смерти. Причем после кончины Сципиона было добавлено всего несколько штрихов, прямо вытекавших из всего предшествующего. Те самые люди, которые при жизни смотрели на Сципиона как на полубога, после его смерти уверовали, что он вошел в сонм небожителей. «Легенду», таким образом, нельзя сравнивать с мифическими рассказами об Александре Македонском или Нуме, которые складывались веками.

Она также резко отличается от культа императоров, ибо этот последний, во-первых, шел сверху, во-вторых, впитал в себя восточные элементы. Почитание же Сципиона носило характер стихийный и имело чисто римское происхождение. Хотя «легенда» сложилась вокруг Публия Африканского, человека очень яркого и необычного, хотя она и связана была с его оригинальными видениями, в нее вошел целый пласт религиозно-правовых представлений древних италийцев. Подобно тому как французы, считавшие Жанну д'Арк святой, представляли ее так, как принято было представлять святых, а воображению англичан, веривших, что она ведьма, она рисовалась в обычном облике английской ведьмы. Это особенно относится к рассказу о божественном отце Сципиона, ибо эту веру не разделял ни сам герой, ни его ближайшие друзья.

Таким образом, «легенда» помогает понять римскую религию, менталитет, а также право. Особый интерес представляет сакрально-правовой аспект Сципионовой «легенды». Мы впервые в римской истории встречаемся с обожествлением полководца, которого считают сыном бога, после смерти вошедшим в сонм богов. Впоследствии таким же образом обожествлялись императоры. Поэтому «легенда» позволяет выявить в культе императоров исконно римские сакрально-правовые черты.

Почитание Сципиона бытовало среди простого народа и солдат, но его разделяли и люди образованные, как Энний. Можно смело утверждать, что оно распространено было среди нобилитета. С ним вынужден был считаться сенат. А после смерти Сципиона его, по-видимому, санкционировали римские религиозные коллегии.

T. A. BOBROVNIKOVA

GLI ASPETTI RELIGIOSI E GIURIDICI
DELLA «LEGGENDA» DI SCIPIONE

(RIASSUNTO)

La «leggenda» di Scipione rappresenta un fenomeno unico nella storia romana. Fu formata nel corso della vita dell'eroe e nei pochi anni successivi alla sua morte e consisteva nella convinzione dell'origine divina di Scipione, del

suo continuo colloquio con gli dèi e della sua postuma apoteosi. L'Autrice afferma l'origine nettamente romana del culto di Scipione e il suo carattere spontaneo. Esso assorbì un intero strato di credenze religiose e giuridiche degli antichi italici.

⁶⁵ *Lactant. Div. Inst.* I. 18.

A differenza dei successivi culti degli imperatori, che venivano imposti dall'alto ed avevano assimilato elementi orientali, il culto di Scipione, formatosi nel periodo repubblicano, rappresenta il primo esempio della divinizzazione di un capo militare nella storia romana.

Nell'articolo vengono esaminati il contributo dei culti gentilizi degli antenati personificati in forma di serpenti alla formazione della leggenda ed i paralleli che ad essa si riscontrano nella religione e nella mitologia ellenica.

L'Autrice avanza l'ipotesi che la gens Cornelia venerava lo spirito (*genius*) dei propri antenati sotto forma di serpente.

Quasi tutti gli autori contemporanei di Scipione e quelli che composero le loro opere

subito dopo la sua morte (tranne Polibio) lo presentavano come *semidio*, che sta in continuo contatto con le divinità tramite le visioni e i sogni fatidici che vengono equiparati dal Senato agli oracoli ed alle risposte degli aruspici, il che rappresenta il cedimento davanti alla diffusione della fede popolare.

Dopo la morte di Scipione la sua *imago* fu collocata nella cella del tempio di Giove, cosa che poteva esser fatta soltanto con il consenso del collegio dei pontefici di Roma, i quali in questo modo sanzionarono la legittimazione del culto.

Inoltre, lo studio delle similitudini fra la divinizzazione di Scipione e quelle degli imperatori permette di rilevare in queste ultime i tratti religiosi e giuridici propri di Roma.